

Н.С.Розов

ДИНАМИКА ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ И УСТОЙЧИВОСТЬ/ХРУПКОСТЬ НЕОТОТАЛИТАРИЗМА

Николай Сергеевич Розов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, зав. кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: nrozov@gmail.com.

Аннотация. Гибридные режимы, сочетающие наличие демократических институтов, в той или иной мере декоративных, с реальными авторитарными отношениями и порядками, заметно различаются по своей устойчивости. Поскольку вопрос о власти в таких режимах не решается через открытую политическую конкуренцию в ходе выборов, особую значимость обретает неинституционализируемая конфликтная динамика. В статье построена схематичная модель взаимодействия Режим и Протеста, включающая 10 постулатов, базирующихся на результатах обобщающих исследований. Показано, что если эти постулаты верны, то достаточно гибкий и способный к адаптации гибридный режим неизбежно соскальзывает к неототалитаризму по принципу хрупкого механизма. Выявлено неоднозначное влияние на устойчивость гибридных режимов неототалитарных практик, а также соотношения бюрократических институтов и неопатримониальных порядков.

Среди современных гибридных режимов есть достаточно стабильные (послереволюционный Иран, Казахстан при Нурсултане Назарбаеве, Россия при Владимире Путине и др.). Известны также режимы с прерывистой и неустойчивой динамикой (Россия в 1990-х годах, Египет после Тахира, Венесуэла после смерти Уго Чавеса и др.). Каждый из этих случаев обеспечивает эмпирическую базу для проверки представленной модели. В свою очередь, эта модель открывает возможности для анализа причин успеха и провала режимных и протестных стратегий, позволяет объяснять существенное разнообразие в характере и устойчивости режимов, выявлять условия, масштаб и эффекты появления неототалитарных практик и институтов, а также вести мониторинг социально-политической динамики и прогнозировать ее траектории.

Ключевые слова: политический режим, неототалитаризм, неопатримониализм, бюрократия, социально-политический кризис, социальный протест, политические стратегии, репрессии

**Разнообразие
современных
политических
режимов**

Авторитаризм и демократия понимаются здесь не только как типы политического устройства общества, но и как части единой шкалы.

Один ее полюс — консолидированная либеральная демократия, государство открытого доступа — характеризуется коллегиальным разделением власти и контролем над насилием, надежной защитой прав и свобод граждан, политической конкуренцией, сменяемостью власти по результатам открытых выборов, свободой создания организаций. Противоположным полюсом той же шкалы является тоталитаризм.

Шесть признаков тоталитаризма, выделенных Карлом Фридрихом и Збигневом Бжезинским, — идеология, единственная партия (как правило, возглавляемая одним человеком), террористическая полиция, монополия на средства массовой коммуникации и вооружение, централизованная планируемая экономика¹ — указывают на отличительные черты тоталитарных режимов XX в., а также на главную направленность и функции тоталитаризма, но средства их реализации не обязательно должны быть именно такими.

Четкую формулу, вполне адекватную сути тоталитарного режима, в свое время предложил основатель и духовный отец фашизма Бенито Муссолини: «Все в рамках государства, ничего вне государства, ничего против государства». Действительно, в более широком плане тоталитаризму свойственны полный властный контроль над политическими и экономическими институтами, а также над общественным дискурсом, нетерпимость к независимым организациям, систематическое преследование инакомыслящих, опора на страх и репрессии, гипертрофия спецслужб, обязательность выражения лояльности, милитаризация общественной жизни, насаждаемая ксенофобия².

«Конец истории» по Фрэнсису Фукуяме не наступил, но гегельянская идея моральной и политической победы либеральной демократии оказалась не совсем беспочвенной: авторитарные режимы в большинстве своем стали притворяться демократиями, и лишь немногие мировые изгои открыто отвергают принцип народовластия, сменяемость власти, необходимость защиты свобод, прав и достоинства граждан. Вследствие этой мимикрии появились всевозможные «имитационные», «суверенные», «контролируемые» и прочие «демократии», которые теперь принято называть гибридными режимами, подразделяя их, в свою очередь, на персоналистские, партийные и военные («хунты»)³.

Гибридные режимы могут демонстрировать разнообразную динамику, включающую маятниковые движения между полюсами демократии и авторитаризма, кризисы (особенно при уходе верховного правителя), глубокие потрясения вплоть до революций, свержения власти и государственного распада, а также трансформации, укрепляющие или, напротив, снижающие их устойчивость.

Если тоталитаризм является крайней, «чистой» формой авторитаризма, то неототалитаризм здесь трактуется как такой тип гибридных режимов, где тоталитарные практики и порядки (государственный контроль над общественным дискурсом, систематическое преследование

¹ Friedrich and Brzezinski 1965.

² Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011; Коллинз 2015: гл. 4, 5.

³ Geddes 1999.

инакомыслящих, опора на страх и репрессии, гипертрофия спецслужб, обязательность выражения лояльности, насаждаемая ненависть к «врагам» и т.д.) прикрываются практиками и институтами демократии (охрана общественного порядка, защита морали и традиционных ценностей, выступления «возмущенной общественности», разоблачающие оппозицию статьи, фильмы, телепередачи и т.п.).

Условия становления неототалитаризма

⁴ Goldstone et al. 2010; Goldstone 2015.

Известно, что гибридные режимы не отличаются особой устойчивостью — откровенно авторитарные режимы (монархии, автократии) и консолидированные демократии выказывают бóльшую стабильность, чем находящиеся между ними «половинчатые» режимы⁴. Эта неустойчивость — предмет постоянной озабоченности верховных правителей и их окружения, заинтересованных в укреплении своей власти и легитимности, в поддержании лояльности аппарата и местных элит, в подконтрольности силовых структур, в готовности полиции и военных защищать режим в случае кризиса и массовых протестов.

Рассмотрим динамику гибридных режимов через призму концептуальной модели, компонентами которой выступают:

- авторитарный *Режим*, включающий правящую группу и подчиненные ей охранительные структуры;
- *Протест*, то есть лидеры, организации, группы, требующие реформ, претендующие на власть и при этом обладающие таким влиянием и общественной поддержкой, чтобы с ними считался Режим.

Предполагается, что Режим и Протест могут проводить *стратегии подавления* (репрессии, насильственные акции) и *стратегии компромисса* (переговоры и взаимные уступки) разной степени успешности, первые из которых ведут к конфронтации, а вторые — к установлению правил взаимодействия.

⁵ Розов 2015: 158.

Используем принципы сформулированной нами ранее теории трансформации политических режимов⁵, согласно которой любого актора заботят как минимум четыре гомеостатические переменные, соответствующие веберовским универсалиям. К этим переменным относятся:

- *сила* (как форма обеспечения безопасности и/или могущества) vs. слабость, уязвимость;
- *власть* (господство, гегемония, доминирование) vs. подчинение;
- *богатство* (накопления, благосостояние, доступ к ресурсам) vs. бедность;
- *престиж* (достоинство, честь, легитимность, причастность к святыням и ценностям) vs. унижение (отверженность, дискредитация, изгойство).

Для каждой гомеостатической переменной имеется свой набор стратегий, но все эти стратегии сопряжены с *издержками*, способными при определенных условиях негативно отразиться на других гомеостатических переменных.

⁶ Скиннер 1986.

Согласно принципам оперантного обусловливания⁶, любой актер продолжает применять стратегию, которая приносит успех (повышает значения целевой переменной, не слишком угнетая при этом остальные важные переменные), и отказывается от провалившейся, выбирая новую по правилу инверсии (сделаем наоборот, откажемся от чрезмерной мягкости или от чрезмерной жесткости и т.п.).

Брюс Буэно де Мескита и Аластайр Смит показали, что ответ правящей элиты на социально-политические вызовы (уличные протесты, гражданское неповиновение и проч.) во многом зависит от источников пополнения государственного бюджета. Если основу доходов государства составляют налоги от частного предпринимательства, в том числе от малого и среднего бизнеса, то элита склонна к уступкам, компромиссам, реформам. При наполнении бюджета преимущественно за счет сырьевого экспорта или иностранной помощи потребность в реформах и уступках отпадает, и тогда доминирующей стратегией обычно становятся репрессии.

Опираясь на вышесказанное, сформулируем положения, задающие принципы поведения элементов нашей модели.

1. Авторитарный Режим постоянно заботится о своем сохранении и укреплении, а также о поддержании собственной силы, власти, богатства и престижа. В зависимости от *успеха* или *провала* своих стратегий Режим *увеличивает* или *утрачивает контроль* над государственным аппаратом, элитами и их ресурсами, а тем самым — и контроль над населением.
2. Смена власти при авторитаризме влечет за собой *гораздо большие потери в статусе и ресурсах* лидеров и функционеров Режима, чем при демократии, что побуждает их стремиться сделать свои позиции и привилегии постоянными.
3. *Компромиссы*, как и любые реформы, защищающие граждан и их организации, неизбежно *ограничивают авторитарную власть*, увеличивают поддержку и ресурсы Протеста. Если при этом Протест остается *непримиримым*, *устойчивость Режима* оказывается под угрозой; если же Протест удовлетворяется уступками, Режим закрепляется в новом состоянии.
4. *Стратегии подавления* успешны при превосходстве субъекта их проведения в легитимности и силовых ресурсах, а также при низкой поддержке и легитимности объекта подавления.
5. *Успех стратегий подавления*, направленных на ослабление или ликвидацию Протеста (то есть репрессий со стороны Режима), обычно ведет к *нарастанию авторитаризма*, поскольку способствует укреплению, легитимации и усилению обеспечивавших его структур (институтов и практик принуждения и насилия).
6. Чем выше степень авторитаризма, чем полнее монополия Режима на основные ресурсы (особенно сырьевые), *тем меньше Режим склонен к уступкам и компромиссам*, тем больше он опирается на стратегии подавления для сохранения власти⁷.

⁷ Bueno de Mesquita and Smith 2009.

⁸ Голдстоун 2015;
Ресо 2016.

⁹ Подробнее
об этих типах
легитимности
см. Розов 2014: 91.

7. Протест, многократно столкнувшийся с провалом компромиссных стратегий (попыток договориться) и систематически подвергающийся репрессиям, *радикализуется и сам начинает прибегать к стратегиям подавления* (насилию, попыткам свержения власти)⁸.
8. *Чрезмерно жесткие и массовые репрессии* Режима в отношении тех, чьи действия не являются общественно опасными, *снижают авторитетную, международную и популярную легитимность*⁹ Режима и повышают легитимность и поддержку Протеста.
9. При возможности быстрого и широкого распространения информации показательные точечные репрессии становятся общеизвестными. Если в глазах большинства они выглядят *оправданными*, их следствием становятся *эффективное устрашение и угасание Протеста*, если нет — общественное *возмущение, делегитимация Режима*, рост легитимности и поддержки Протеста.
10. *Успех стратегии* как положительное подкрепление ведет к ее *повторению*, а *провал* как отрицательное подкрепление может повлечь за собой не только *активизацию противоположной стратегии* (на смену компромиссу приходит подавление или наоборот), но и *усиление той же самой*. За провалом подавления, который трактуется как *результат излишней мягкости*, следует *более жесткое подавление*. Такое развитие событий характерно для авторитарных Режимов с гипертрофией силовых структур и традицией использовать насилие в политической сфере.

Отметим, что пп. 4, 5, 6 и 10 задают динамику, сходную с храповым механизмом, допускающим движение лишь в одну сторону, — в направлении тоталитаризма. Радикализация Протеста (п. 7) оправдывает репрессии и усиливает ту же тенденцию.

Лидерам и функционерам Режима не обязательно знать и учитывать описанные выше закономерности. Через многочисленные пробы, ошибки, смену стратегий Режим нащупывает подход, позволяющий достичь нужных ему результатов:

- прилагаются усилия, чтобы не дать Протесту нарастить поддержку и ресурсы, удержать их (как правило, посредством стратегий подавления, то есть репрессий разной степени жесткости) на низком уровне (вывод из пп. 1—4);
- при провале стратегий подавления делаются разнонаправленные шаги как в сторону уступок и компромиссов, так и в сторону усиления репрессий;
- поскольку усиление Протеста в результате уступок (п. 3) трактуется как провал стратегий компромисса, общий тренд состоит во все большем упоре Режима на стратегии подавления;
- поскольку для реализации стратегий подавления приходится наращивать силовые структуры, в дальнейшем как успехи, так и провалы репрессий ведут только к их ужесточению (п. 10);
- поскольку гибридный Режим претендует на демократичность и сохраняет заинтересованность в поддержании авторитетной,

международной и популярной легитимности, широкие и массовые репрессии обычно не применяются (п. 8), а стратегии подавления, во всяком случае внешне, используются только против тех, кто сам прибегает к нелегитимному насилию или воспринимается общественным мнением как угроза стабильности и порядку (пп. 5–7); — максимально используются имитационные институты демократии (парламент, суды, пресса, инициативные группы граждан, «возмущенная общественность»), которые, будучи подконтрольными Режиму, оказываются эффективными инструментами точечного подавления (п. 9), не снижающего легитимности Режима (п. 8).

Таким образом Режиму удается поддерживать на приемлемом уровне действенность применяемых им стратегий подавления. Сочетание тоталитарных практик, в том числе точечных репрессий, с имитационными демократическими институтами и составляет феномен *неототалитаризма*. То есть, если элементы модели действуют в соответствии с обозначенными нами принципами, достаточно гибкий, способный к адаптации гибридный режим вполне закономерно (согласно логике храпового механизма) становится неототалитарным.

**Теоретический
анализ
условий
устойчивости/
хрупкости
неототалитарных
режимов**

Как долго может просуществовать такой режим? Какие факторы обуславливают напряжения и кризис, чреватый распадом режима, а какие ведут к его стабилизации?

Чисто тоталитарные режимы в большинстве своем не выказывают высокой устойчивости. Они либо терпят военное поражение (гитлеровская Германия, муссолиниевская Италия, Кампучия Пол Пота), либо перерождаются в более мягкий тип авторитаризма (франкистская Испания, СССР после Сталина, Китай после Мао, Куба с 1990-х годов). По сути, единственное на сегодняшний день исключение составляет Северная Корея, к факторам устойчивости которой мы еще обратимся. Что касается вполне тоталитарных режимов в Туркменистане и Узбекистане, то пока еще рано судить, насколько они устойчивы.

Репрессивность режима не является гарантией его вечности. При запрете на какую бы то ни было самостоятельную политическую активность репрессивный режим может долгое время сохранять стабильность, поскольку население лишено информации о масштабе и уровне недовольства властью. Люди не выходят на улицы не вследствие поддержки режима, а из-за страха быть избитыми, арестованными, осужденными. Однако при расколе элит (в частности, при попытке передачи власти преемнику) вкупе с достижением критического уровня массового недовольства происходит каскад протестов с быстрым нарастанием их численности, что приводит к свержению режима¹⁰.

Ввиду отсутствия достаточных эмпирических данных начнем с рассмотрения механизмов, обозначенных в представленной модели. Режим сохраняет стабильность благодаря победам (п. 1) над относительно слабым Протестом (п. 4), особенно когда его радикализация

¹⁰ Kricheli, Livne, and Magaloni 2011.

легитимирует использование Режимом стратегий подавления (репрессий) (п. 7). Соответственно, при усилении и росте поддержки мирного Протеста (п. 4), при моральных и политических поражениях Режима (п. 1), когда репрессии с его стороны уже воспринимаются большинством как неоправданные, чрезмерные, нелегитимные (п. 8), а также при компромиссах, ограничивших свободу действий Режима, но не сделавших его приемлемым для Протеста (п. 3), Режим утрачивает устойчивость, накапливаются напряжения, чреватые его кризисом вплоть до распада.

Чтобы выяснить условия смены динамики, нам придется выйти за рамки модели и попытаться зафиксировать факторы, ведущие к тому или иному изменению ее параметров. Классические и современные концепции динамики протестных движений и режимной трансформации, основанные на обширном эмпирическом материале¹¹, позволяют говорить о следующих закономерностях:

¹¹ Geddes 1999; Tilly 2003; McAdam, Tarrow, and Tilly 2009; Bueno de Mesquita and Smith 2009; Goldstone et al. 2010; Голдстоун 2015; Коллинз 2015.

- А) Режим терпит моральное и политическое поражение, делегитимируется из-за нарушения им негласного вертикального договора и/или вследствие обнаружения скандального несоответствия свойств Режима, действий его лидеров и функционеров *политическим установкам* большинства населения и влиятельных групп;
- В) Режим перестает соответствовать *установкам в политико-экономической сфере*, когда резко сокращаются раздачи (при монополизации ресурсов) и/или резко наращивается фискальное давление на население и бизнес без приемлемого обоснования;
- С) рост влияния Протеста происходит в ситуации, когда делегитимация Режима сочетается с концентрацией в Протесте политической альтернативы (лидеров, организации и идей), соответствующей преобладающим политическим и социально-экономическим установкам населения и воспринимаемой как эффективная и справедливая; к успеху Протеста также ведет координация действий разных групп интересов, социальных движений, политических партий, которые начинают выступать единым фронтом и получают все большую поддержку не только среди населения, но и в среде чиновничества, местных властей и у части силовых структур;
- Д) даже в условиях репрессий Протест может отказаться от ухода в подполье и радикализации (нелегитимного насилия, стратегий подавления), тем самым не давая оправдания репрессиям со стороны Режима, продолжать открыто защищать политзаключенных, сохранять надежду на мирную трансформацию Режима и получать как минимум моральную поддержку из внешнего мира;
- Е) если само сохранение Режима противоречит моральным и политическим установкам лидеров, авторитетных участников и функционеров Протеста, он остается непримиримым к Режиму, несмотря на уступки и компромиссы.

Таким образом, сочетание условий А—Е делает неототалитарный Режим все более хрупким, близким к кризису, за которым следуют распад или трансформация.

При сочетании обратных условий, когда вертикальный договор не нарушается, политическая альтернатива не складывается, координация усилий протестных групп и движений отсутствует, насильственные действия радикалов оправдывают репрессии, открытая поддержка репрессированных сокращается, внешняя поддержка снижается, надежды на мирную режимную трансформацию пропадают, сокращения раздач и роста фискального давления не происходит или они убедительно обосновываются (например, военными нуждами), а лидеры Протеста оказываются оппортунистами, согласными на частичные, паллиативные уступки, неототалитарный Режим остается устойчивым.

**Неопатри-
монизм
и бюрократия**

Помимо шкалы «демократия—авторитаризм» есть шкала «бюрократия—патримония», усложняющая разнообразие. Бюрократия как веберовский идеальный тип предполагает строгую сквозную иерархию, безличную упорядоченность государственного управления и нацеленность каждого чиновника, каждого подразделения на выполнение заданных формально правил и процедур, порядка прохождения документов, прежде всего приказов и отчетности. Патримония означает политическое устройство по образцу большой семьи, рода или клана, нераздельность приватной и публичной сфер и, соответственно, частных и государственных ресурсов, патрон-клиентские отношения, строящиеся на личной лояльности и покровительстве.

Если авторитарные режимы мимикрируют под демократии, то современные патримонии (сущностно авторитарные) внедряются в бюрократию или даже прикрываются ею как декорацией, что порождает феномен *неопатримониальных, или патрональных, режимов*¹².

Гибридные, в том числе неототалитарные, режимы не совместимы с чистой бюрократией в веберовском смысле¹³. Бюрократия носит формальный и безличный характер, что роднит ее с демократией. Ведь последняя предполагает ротацию власти по результатам выборов, разделение властей, а также те или иные формы реального участия граждан в управлении обществом, а для всего этого требуется не только огромный массив сложных безличных правил (начиная с составления списков избирателей и регистрации кандидатов), но и немалый аппарат чиновников, способных эти правила понимать и выполнять¹⁴.

В гибридных режимах под прикрытием формальных демократических и бюрократических институтов неизбежно действуют кланы и патрон-клиентские сети, основанные на личной лояльности и частных договоренностях преимущественно коррупционного плана (экономический ресурс в обмен на политическое покровительство и т.п.). Это обусловлено двойственным характером гибридных режимов, в которых за завесой демократического устройства всегда прячутся структуры и практики авторитарного типа. Эти структуры и практики по самой своей природе не могут зависеть от демократической выборности и сменяемости власти. Вполне естественно, что этот принцип

¹² Фисун 2010;
Гельман 2015;
Hale 2015;
Розов 2016.

¹³ Collins 2011.

¹⁴ Розов 2015: 168.

¹⁵ См. Розов 2016.

замещается традиционной, унаследованной от прежних патримоний «семейной» личной и вертикальной лояльностью патрону и клану¹⁵.

Однако большое современное государство не может выжить без более или менее эффективной бюрократической организации — при ее отсутствии кланы попросту «растащили» бы его. Поэтому если на высших уровнях преобладает клановый, неопатримониальный порядок, то на среднем и низшем кланы хотя и присутствуют, но существенно ограничены в своих аппетитах жестким бюрократическим порядком, который навязывается сверху требованием отчетности и постоянными проверками.

Так, на верхних этажах национальной и региональной политики (крупные государственные заказы, назначения на высшие посты в ведомствах, госкорпорациях и проч.) обычно процветают неформальные, теневые практики неопатримониального толка, тогда как в других сегментах общественной жизни действуют достаточно строгие формальные бюрократические правила (образовательные стандарты, экономическая отчетность предприятий, предоставление государственных услуг населению, медицинское страхование, налогообложение и т.д.).

Поскольку неопатримониальным режимам присущи такие черты, как отчуждение правящих слоев от основной массы населения, сильная зависимость бизнеса от исполнительной власти и слабая защищенность собственности и инвестиций, возможность их гладкого демократического транзита на основе внутренних стимулов крайне сомнительна. Дело в том, что свобода предпринимательства и защищенность собственности противоречат монопольному контролю над ресурсами со стороны кланов, захвативших ключевые административные позиции, поэтому без давления населения, кризиса и серьезных угроз у власть имущих нет стимулов для движения в этом направлении.

Если путь постепенной демократизации закрыт, то остаются следующие векторы развития: дальнейшее соскальзывание в авторитаризм, стабилизация и кризис. Рассмотрим, как специфика неопатримониализма влияет на эти векторы, а тем самым — на хрупкость/устойчивость режима.

**Факторы
хрупкости/
устойчивости неопатримониального
режима**

¹⁶ Snyder 1992.

Ричард Снайдер показал, что устойчивость неопатримониальных режимов зависит в первую очередь от протяженности и надежности патронажных сетей. Наиболее уязвимыми для кризиса, переворота, революции являются режимы, где эти сети замыкаются на узком слое, сложившемся вокруг лидера и правящей группы (случаи Китайской революции 1911 г., Иранской революции 1979 г., революций в Тунисе и Египте 2011 г.)¹⁶.

С одной стороны, патронажные структуры и практики, межклановая борьба подтачивают государство, ведут к растаскиванию общественных ресурсов, прямо или косвенно увеличивают эксплуатацию низовых слоев, что дискредитирует власть и режим в общественном

сознании и чревато ростом социального напряжения. Ценностные основы руководства и чиновничьей деятельности оказываются ослабленными, несмотря на демагогическую риторику. Поэтому при углублении конфликтов (как правило, связанных с разделом ресурсной базы и схваткой честолюбий) кланы могут распасться на противостоящие коалиции и использовать в своих интересах прессу и общественное недовольство, в том числе протест, что ведет к пресловутому «расколу элит» и социально-политическому кризису (в постсоветской России такое происходило в 1993 и 1998—1999 гг.).

С другой стороны, вполне эгоистичные кланы и их вертикально структурированные коалиции нередко обнаруживают высокую солидарность в противостоянии тем оппозиционным и протестным силам, которые ратуют за публичную конкуренцию, сменяемость власти, общественный контроль и тем самым могут поставить под вопрос позиции, полномочия и ресурсы власть имущих. Общее теоретическое объяснение этой межклановой солидарности заключается в следующем. Главным политическим отношением в неопатримониальном режиме является полное или частичное господство неформальной сердцевины режима над периферией, то есть группами и индивидами, не попавшими в сеть патрон-клиентских связей. Само сочетание неформального «ядра» (группы кланов, занимающих ключевые позиции в государстве) и официальной «оболочки» (как бы демократии) призвано легитимировать господство «ядра», а также его контроль практически над всеми общественными ресурсами, что оправдывает отказ в доступе к этим ресурсам тем, кто исключен из «ядра» и его сети отношений¹⁷. Отсюда довольно высокая устойчивость многих гибридных режимов, при том что в целом, как уже говорилось, они остаются более хрупкими, чем традиционные монархии и консолидированные демократии.

¹⁷ Розов 2015: 169.

На векторы режимной динамики влияют также факторы ресурсной обеспеченности, легитимности верховной власти, влияния оппозиции и рациональности политических решений. Действительно, хотя *при обилии государственных ресурсов* кланы конфликтуют между собой за привилегированный доступ к ним, в подобных условиях им выгодно держаться клановой сети, обладающей монополией на эти ресурсы, выступая общим фронтом против претендентов извне. Если же *истощение государственных ресурсов* достигает некоего критического значения (из-за конъюнктуры мировых цен, сокращения налогооблагаемой базы, инфляции, отсечения от внешних кредитов и т.д.), а верховная власть по каким-то причинам *делегитимирована* (например, вследствие военных или иных внешнеполитических провалов, которые уже невозможно скрыть), то для лидеров некоторых кланов и коалиций более рациональной стратегией самосохранения оказывается *поддержка протеста*, включение в набирающее силу движение за смену власти через «опрокидывающие выборы» или даже революцию.

¹⁸ Фисун 2010. Примерно так Александр Фисун объясняет «цветные революции» в постсоветских неопатримониальных режимах¹⁸. Сходным образом

Майкл Браттон и Николас Ван де Валле трактуют неустойчивость существенной части африканских режимов: очень многое в них определяется фигурой лидера, а государственная сфера в значительной мере подчинена частным интересам, поэтому при делегитимации лидера рассыпается и вся структура, построенная на личных связях, причем протесты и перевороты нередко возглавляют бывшие видные функционеры, отстраненные от должности¹⁹. Недавние события в Зимбабве — военный переворот, отречение президента Роберта Мугабе и приход к власти его сподвижника Эммерсона Мнангагвы, незадолго до этого смещенного с поста первого вице-президента, — полностью подтверждают эти выводы.

¹⁹ *Bratton and Van de Walle 1994: 462—464.*

**Проблема
хрупкости/
устойчивости
(нео)тоталитаризма**

Закономерное соскальзывание гибридного режима к неототалитаризму (см. пп. 1—10) добавляет свою специфику. Для показательных точечных репрессий, производимых под видом охраны порядка и законности, необходим развитый аппарат спецслужб и послушные правоохранительные органы. Вместе с тем сосредоточение ресурсов подавления в одном ведомстве крайне опасно для правящей группы, поэтому в стабильных авторитарных режимах обычно практикуется множественность и конкуренция силовых структур, их взаимная слежка и подозрительность (в качестве паллиативного заменителя оппозиции, свободной прессы и независимого суда при реальной демократии).

В этих структурах неизбежно вызревают собственные кланы со своими интересами, готовые задействовать доступные им силовые ресурсы. Каждый клан стремится заручиться покровительством в высших эшелонах власти, а получив его, укрепляется и расширяет свои амбиции. Дисциплинирующий бюрократический контроль сверху ослабевает, и в аппаратной борьбе за властные позиции и доступ к ресурсам с нарастающей активностью начинают использоваться силовые приемы в форме обвинений в коррупции, заключения под стражу и тюремных сроков для функционеров режима все более высокого уровня (вплоть до губернаторов и министров).

Неототалитарная «добавка» играет двойственную роль с точки зрения хрупкости/устойчивости гибридных режимов. При достаточности государственных ресурсов, легитимности верховной власти и слабости оппозиции разбухшие силовые и правоохранительные структуры надежно защищают режим, не чураясь жестких и жестоких мер. Однако при потере режимом этих важнейших характеристик данные структуры склонны быстро утрачивать лояльность правящей группе. При этом они вполне способны использовать силовой ресурс в политической борьбе в период кризиса.

Вооруженное насилие и гражданская война при распаде режима не фатальны, поскольку остается шанс на самоблокирование силовых структур либо вследствие растерянности, либо по причине паритета и патовой ситуации, но гипертрофия структур, нацеленных на применение силы в политической борьбе, остается главным фактором риска.

Если значения факторов А—Е разнородны, неустойчивы, режим флуктуирует, испытывает циклические колебания. При росте размаха этих колебаний возможен выход из неототалитарного аттрактора в зону кризиса и бифуркации с широким спектром сценариев дальнейшей динамики.

Крайние сценарии известны, и история тоталитарных режимов дает нам примеры их реализации. С тем или иным успехом либерализацию пережили постфранкистская Испания, постсоветские республики Прибалтики, бывшие социалистические страны Центральной Европы, Монголия. Условия подобного транзита в столь разнообразных обществах требуют специального анализа и обобщения.

На другом полюсе находится Северная Корея, где тоталитаризм обрел наиболее последовательные, не имеющие аналогов формы, что существенно связано с демонстрируемой режимом Кимов стабильностью. Специфику этого режима составляют беспрецедентные крепость и непроницаемость «железного занавеса», тотальная идеологическая индоктринация населения, жесткая и вполне официальная сословная структура (по степени причастности предков к победе Корейской революции), сквозная милитаризация всей экономической, социальной, духовной жизни общества, откровенно династический, никем не оспариваемый принцип наследования верховной власти. Таким образом, корень устойчивости данного режима заключается в сочетании преимуществ традиционных династических сословных монархий с милитаристским изоляционизмом, пропагандистскими и репрессивными возможностями новейшей эпохи.

Было бы опрометчиво утверждать, что больше ни одна страна не достигнет подобной предельной формы. Сопоставление предыстории северокорейского тоталитаризма с предысториями сталинского и гитлеровского режимов (как наиболее близких к этому «идеалу») позволяет выделить следующие факторы реализации данного сценария:

- поражение прежнего режима в международной войне;
- кровавые революционные события с гражданской войной того или иного масштаба;
- захват власти и геополитический успех партии, делающей ставку на прямое насилие и террор;
- жесткое навязывание новым режимом антилиберальной, антизападнической идеологии национального единства, духовного превосходства и стремления к военному могуществу.

Как это ни печально, но в современном мире есть как минимум три территории (на месте прежних более или менее стабильных авторитарных режимов), где первые два фактора уже присутствуют, а вероятность третьего и четвертого заметно выше нуля. Это территории Афганистана, Сирии и Ливии.

Следует заметить, что как талибы в Афганистане, так и приверженцы фундаменталистского ислама в Сирии с их идеями построения всемирного Халифата были близки к реализации в своих «государствах»

и последних двух пунктов, но этому помешало военное поражение, нанесенное им силами международной коалиции.

Можно надеяться, что ни на одной из указанных территорий политическая динамика не пойдет по тоталитарному пути. Вместе с тем нельзя исключить заинтересованности внешних акторов в такой победе своих союзников, незапланированным следствием которой станет как раз появление новых агрессивных тоталитарных режимов, подобных северокорейскому.

* * *

Среди современных гибридных режимов есть достаточно стабильные, такие как послереволюционный Иран, Казахстан при Нурсултане Назарбаеве, Беларусь при Александре Лукашенко (после 1996 г.), Россия при Владимире Путине (до и после протестов 2011—2012 гг.), Азербайджан с уникальным пока на постсоветском пространстве успехом династической преемственности. Известны также режимы с прерывистой и неустойчивой динамикой; в их числе Россия в 1990-х годах, Армения, Египет после Тахрира, Венесуэла после смерти Уго Чавеса, а также подверженные глубоким политическим кризисам и неинституциональным сменам власти постсоветские Грузия, Молдова, Украина, Кыргызстан, Таджикистан.

Каждый из упомянутых случаев обеспечивает эмпирическую базу для проверки положений 1—10 представленной модели. В свою очередь, эта модель открывает возможности для анализа причин успеха и провала режимных и протестных стратегий, позволяет (с учетом факторов А—Е) объяснять существенное разнообразие в характере режимов, типе протестов и установках их участников, выявлять причины длительной стабильности режимов, их кризисов и распадов, условия, масштаб и эффекты появления неототалитарных практик и институтов, а также вести мониторинг социально-политической динамики и прогнозировать ее траектории.

Библиография

Гельман В.Я. (2015) *Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма*. Препринт М-41/15. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге URL: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено 15.12.2017).

Голдстоун Дж.А. (2015) *Революции: Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: Опыт социологии большой длительности*. М.: УРСС.

Норт Д.К., Дж.Уоллис и Б.Вайнгаст. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Розов Н.С. (2014) «Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 90—107.

Розов Н.С. (2015) «Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 157—172.

Розов Н.С. (2016) «Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 139—156.

Скиннер Б.Ф. (1986) «Оперантное поведение» // Гальперин П.Я. и А.Н.Ждан, ред. *История зарубежной психологии: 30—60-годы XX века. Тексты*. М.: Изд-во МГУ: 59—79.

Фисун А.А. (2010) «К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация» // *Политическая концептология*, № 4: 158—187.

Bratton M. and N. van de Walle. (1994) «Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa» // *World Politics*, vol. 46, no. 4: 453—489.

Bueno de Mesquita B. and A.Smith. (2009). «Political Survival and Endogenous Institutional Change» // *Comparative Political Studies*, vol. 42, no. 2: 167—197.

Collins R. (2011) «Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias» // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 636, July: 16—31.

Friedrich C.J. and Zb.Brzezinski. (1965) *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Geddes B. (1999) «What Do We Know about Democratization after Twenty Years?» // *Annual Review of Political Science*, vol. 2: 115—144.

Goldstone J.A., R.H.Bates, D.L.Epstein, T.R.Gurr, M.B.Lustik, M.G.Marshall, J.Ulfelder, and M.Woodward. (2010) «A Global Model for Forecasting Political Instability» // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 1: 190—208.

Hale H. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kricheli R., Y.Livne, and B.Magaloni. (2011). *Taking to the Streets: Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism*. URL: <https://web.stanford.edu/~magaloni/dox/2011takingtothestreets.pdf> (accessed 15.12.2017).

McAdam D., S.Tarrow, and Ch.Tilly. (2003) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Peco M.A. (2016) «Functional Approach to Violent Radicalization: Building a Systemic Model Based on a Real Case» // *Revista de Estudios en Seguridad Internacional*, vol. 2, no. 1: 63—76.

Snyder R.O. (1992) «Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships» // *Comparative Politics*, vol. 24, no. 4: 379—399.

Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

N.S. Rozov

DYNAMICS OF HYBRID REGIMES AND SUSTAINABILITY/FRAGILITY OF NEO-TOTALITARIANISM

Nikolai S. Rozov — Doctor of Philosophy; Professor; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Email: nrozov@gmail.com.

Abstract. Hybrid regimes, which combine democratic institutions, to some extent cosmetic, with real authoritarian relations and orders, strikingly differ in their stability. Under such regimes the non-institutionalized conflict dynamics becomes crucial, because power issues are not solved through open political competition during elections. The article sketches a model of interaction between The Regime and The Protest, which includes 10 postulates on the basis of the results of the synthesis studies. The author shows that if these postulates are correct, a sufficiently flexible hybrid regime, which is able to adapt, inevitably slips to neo-totalitarianism in accordance with the principle of a ratchet mechanism. Neo-totalitarian practices, as well as the relationship between bureaucratic institutions and neo-patrimonial orders, were shown to exert an ambiguous influence upon the stability of hybrid regimes.

Some modern hybrid regimes are quite stable (post-revolutionary Iran, Kazakhstan under Nursultan Nazarbayev, Russia under Vladimir Putin, etc.). There are also regimes characterized by the intermittent and unstable dynamics (Russia in the 1990s, Egypt after Tahrir, Venezuela after Hugo Chavez' death, etc.). Each of these cases provides an empirical basis for testing the presented model. In its turn, this model opens up opportunities for analyzing reasons for the success and failure of the regime and protest strategies, for explaining the significant diversity in the nature and stability of the regimes, for identifying the conditions, scale and effects of neo-totalitarian practices and institutions, and for monitoring socio-political dynamics and predicting its trajectories.

Keywords: political regime, neo-totalitarianism, neo-patrimonialism, bureaucracy, socio-political crisis, social protest, political strategies, repressions

References

- Bratton M. and N. van de Walle. (1994) «Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa» // *World Politics*, vol. 46, no. 4: 453—489.
- Bueno de Mesquita B. and A.Smith. (2009). «Political Survival and Endogenous Institutional Change» // *Comparative Political Studies*, vol. 42, no. 2: 167—197.
- Collins R. (2011) «Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias» // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 636, July: 16—31.
- Collins R. (2015) *Makroistoriya: Opyty sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Fisun A.A. (2010) «K pereosmysleniyu postsovetsoy politiki: neopatrimonial' naya interpretatsiya» [Towards a Rethinking of Post-Soviet Politics: a Neo-Patrimonial Interpretation] // *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], no. 4: 158—187. (In Russ.)
- Friedrich C.J. and Zb.Brzezinski. (1965) *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Geddes B. (1999) «What Do We Know about Democratization after Twenty Years?» // *Annual Review of Political Science*, vol. 2: 115—144.
- Gel'man V.Ya. (2015) *Modernizatsiya, instituty i «porochnyy krug» postsovetsoy neopatrimonializma* [Modernization, Institutes, and the «Vicious Circle» of Post-Soviet Neo-Patrimonialism]. Preprint M-41/15. St. Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. URL: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (accessed 15.12.2017). (In Russ.)
- Goldstone J.A. (2015) *Revolutsii: Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Goldstone J.A., R.H.Bates, D.L.Epstein, T.R.Gurr, M.B.Lustik, M.G.Marshall, J.Ulfelder, and M.Woodward. (2010) «A Global Model for Forecasting Political Instability» // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 1: 190—208.
- Hale H. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kricheli R., Y.Livne, and B.Magaloni. (2011). *Taking to the Streets: Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism*. URL: <https://web.stanford.edu/~magaloni/dox/2011takingtothestreets.pdf> (accessed 15.12.2017).
- McAdam D., S.Tarrow, and Ch.Tilly. (2003) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C., J.J.Wallis, and B.R.Weingast. (2011) *Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Peco M.A. (2016) «Functional Approach to Violent Radicalization: Building a Systemic Model Based on a Real Case» // *Revista de Estudios en Seguridad Internacional*, vol. 2, no. 1: 63—76.

Rozov N.S. (2014) «Printsipy i kriterii legitimnosti postrevolyutsionnoy vlasti» [Principles and Criteria for the Legitimacy of Post-Revolutionary Power] // *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5: 90–107. (In Russ.)

Rozov N.S. (2015) «Teoriya transformatsii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma» [The Theory of Political Regimes' Transformation and the Nature of Neo-Patrimonialism] // *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 6: 157–172. (In Russ.)

Rozov N.S. (2016) «Neopatrimonial'nyye rezhimy: raznoobraziye, dinamika i perspektivy demokratizatsii» [The Neo-Patrimonial Regimes: Diversity, Dynamics, and the Prospects for Democratization] // *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 1: 139–156. (In Russ.)

Skinner B.F. (1986) Operantnoye povedeniye [Operant Behavior] // Galperin P.Ya and A.N.Zhdan, eds. *Istoriya zarubezhnoy psikhologii: 30–60-e gody XX veka. Teksty* [The History of Foreign Psychology, 1930–1960s. Texts]. Moscow: Izd-vo MGU: 59–79. (In Russ.)

Snyder R.O. (1992) «Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships» // *Comparative Politics*, vol. 24, no. 4: 379–399.

Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.